

Дата предоставления: 10 октября 2014 г.

Постоянный адрес: <http://iph.ras.ru/page16537386.htm>

Способ цитирования:

Джохадзе И.Д. О двух видах любви у Шелера [Электронный ресурс] / Сектор современной западной философии. Дискуссионные материалы. 2014. № 2. Режим доступа:

<http://iph.ras.ru/page16537386.htm>, свободный. — Загл. с экрана.

И. Джохадзе

О двух видах любви у Шелера

На конференции «Макс Шелер и современная философия» (ИФРАН, 2–3 октября 2014 г.) многими выступавшими затрагивалась тема «августинианства» Шелера и проводимого им различия между античной любовью-эросом и христианской любовью-агапе (caritas). Об интерпретации шелеровского понятия *открытости миру* в августиновском смысле «причастности к Богу», который Сам есть Любовь (человек «является образом Божиим, *Imago Dei*, поскольку способен трансцендировать самого себя и становится открытым миру») говорилось в докладе проф. Г. Кузинато. В этой связи представляется интересным следующий фрагмент из «Ресентимента в структуре моралей» Шелера:

«Все античные мыслители, поэты, моралисты сходятся в одном: любовь – это, как говорит Платон в “Пире”, стремление, тенденция “низшего” к “высшему”, “несовершенного” к “совершенному”, “формирующегося” к “сформировавшемуся”, “μη ον” к “ον”, “видимости” к “сущности”, “незнания” к “знанию”, “нечто среднее между обладанием и необладанием”. Все отношения людей, так или иначе связанные с любовью, – брак, дружба и т.д. – делятся на отношения между “любящим” и “любимым”, при этом любимый всегда – более благородная, совершенная часть и одновременно образец бытия, воли, действия для любящего. ... Здесь любовь – только “путь”, “methodos”. Согласно Аристотелю, во всех вещах коренится порыв, “ορε-γεςθαι” и “εφιεσθαι”, к божеству, Νους, самому в себе блаженному мыслящему существу, которое “движет” миром (как “перводвигатель”) – однако движет им не как существо деятельное и стремящееся вовне, а “как любимый движет любящим” (Аристотель), словно *привлекая* к себе, заманивая и приглашая. Сущность античной идеи любви поднята в этой концепции до Абсолютного и Бесконечного с неподражаемой величием, красотой и античной холодностью. ... Сравним теперь эту концепцию с христианской. Перед нами то, что я называю *поворотом (Umkehr) в движении* любви. Греческой аксиоме, согласно которой любовь есть стремление низшего к высшему, здесь нанесен смелый удар. Любовь, наоборот, должна проявляться в том, чтобы благородный снизошел, низвел себя до неблагородного, здоровый до больного, богатый до бедного, красивый до безобразного, добрый и святой до злого и подлого, мессия до мытарей и грешников – и все это не только без античного страха потерять себя и самому стать неблагородным, но и в благочестивой вере приобрести в совершении этого акта “снисхождения”, “склонения”, в этой “самоутрате” нечто более высокое – стать подобным Богу. ... Отныне теряет смысл тезис о том, что надо любить добрых и ненавидеть злых, любить друга и ненавидеть врага. ... Дружья *и* враги, добрые *и* злые, благородные *и* подлые – все теперь достойны любви»¹.

Вопрос, который Шелер оставляет здесь не до конца проясненным, касается «идеальной цели» или «предмета» любви (caritas). Этой *целью*, конечно, может быть только добро, а не зло (даже если человек зол). Любящий по-христиански любит в человеке *лучшее в нем*, а не *худшее*, высшее, а не низшее, светлое, а не темное. «Предметом» является *Imago Dei* – божественный образ в человеческом существе. В этом главном аспекте христианская концепция духовной любви не противоречит

¹ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. М., 1999. С. 71–76.

«греческой аксиоме», а только дополняет и развивает ее. Никакого поворота-Umkehrg здесь не было и в помине!

Христианство, утверждает (как бы полемизируя с Шелером) Б. Вышеславцев, «воспринимает в себя Платоново учение об Эросе и дает ему наивысшее завершение»². «Нормальный Эрос (сердце) имеет свою логику; он, по существу, любит прекрасное, пленительное, возвышенное, ценное... то, что “добро зело”, что с самого начала нравится Богу в его творении, что есть свет, красота, *нарастание жизни*, восходящая иерархия бытия, т.е. “сублимация”»³. Верующий, развивает тему И. Ильин, «определяет себя любовью к объективно лучшему»⁴; его сердце «пленяется качеством, достоинством, совершенством предмета»⁵. Caritas есть «благоговейно-любственное отношение к индивидуальному образу Божию, к богочеловеческому началу, подлинно наличествующему во всяком, даже самом несовершенном, ничтожном и порочном человеке»⁶.

Ничтожное и несовершенное (все «внешнее» и случайное, прилепляющееся к человеку и заслоняющее Imago Dei) не принимается здесь в расчет, как бы заключается в скобки, «методически» игнорируется; следовательно, не может быть речи ни о каком «снисхождении» любящего к любимому, а тем более «благородного» к «неблагородному», «доброе и святого» к «злому и подлому» (уже заповеданная евангелием нищета духом – трезвое и смиренное сознание *собственной* немощи и греховности – исключает подобную самооценку).

Любовь-агапэ, по замечанию Н. Гартмана, «устремлена в существенной мере на ценное, но никогда – на контрценное»⁷, ведь за «просто» любовью (к ближнему) всегда стоит любовь к Богу, которая «помогает увидеть совершенство в несовершенном, бесконечное в конечном»⁸. «Она видит насквозь. ... Для нее идеальная сущность человека, сокрытая в реальном человеке, и есть собственно человек»⁹. Любящий «агапически», понимает, «*признаёт* также и злого человека», но *любит* в нем доброго; зло только «терпится» и прощается (см. доклад М. Хорькова «Говорить “нет” злу: феноменология зла у Макса Шелера»). Здесь любовь – именно «путь» (methodos), который ведет к определенной цели, предполагает свой идеальный «объект желания» (Платон. Пир, 204d-206a).

Да, *все* достойны любви, «друзья и враги, добрые и злые, благородные и подлые», – все, но не *всё*: существует определенный *порядок*, как пишет сам Шелер в «Ordo amoris», известная «субординация», «градация рангов достойного»¹⁰ быть любимым (и Бог – вершина этого «царства того, что достойно»¹¹). Логика сердца «столь же строга, ... абсолютна и непреложна, как правила и выводы дедуктивной логики»¹². Шелер – христианин, но когда он говорит об этом порядке и «иерархии», о «направленности» любви на «духовное ядро человека»¹³, когда, аргументируя против «всеобщего человеколюбия», он заявляет о том, что «идея самоотдачи “другому” *просто как “другому”*» бессмысленна и насквозь фальшива¹⁴, что истинная любовь есть «качественно определенный акт, обращенный к *духовной идеальной личности* как таковой»¹⁵, – разве он не рассуждает совершенно по-гречески?

² Вышеславцев Б. Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 47.

³ Там же. С. 54.

⁴ Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. Минск, 2006. С. 49.

⁵ Там же. С. 528.

⁶ Франк С. С нами Бог. М., 2007. С. 209.

⁷ Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 428.

⁸ Там же. С. 484.

⁹ Там же. С. 490.

¹⁰ Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 353.

¹¹ Там же. С. 356.

¹² Там же. С. 359.

¹³ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. С. 106.

¹⁴ Там же. С. 130.

¹⁵ Там же.